

*Бог приходит в этот мир, но страдания
остаются.*

Размышления о Страстной

Как правильно переживать страдания Господни, о которых каждый православный христианин призван слышать и размышлять в период Страстной седмицы? Чем отличается православная традиция сопереживания Христу от католической, почитать ли Сталина, «давшего» Церкви множество новомучеников, и есть ли смысл у страданий как таковых? – Мы беседуем с протоиереем Алексием Уминским, настоятелем храма Живоначальной Троицы в Хохлах (Москва).

Протоиерей Алексей Уминский

– Отец Алексей, православные богословы часто критикуют католическую духовную практику, то, что у них называется *компассио*, *со-страдание Христу* – эмоциональное, чувственное соучастие в муках Христа как Человека. Как вы относитесь к такой практике?

– Я не знаю эту практику настолько близко, чтобы о ней рассуждать. Но однажды мне пришлось совершить удивительное путешествие, некое паломничество во время Страстной недели на юге Италии.

Там, в маленьких сицилийских городах, в это время совершаются процессии, причем в каждом городе в каждый день недели была своя, особенная процессия со своими святынями, и они расценивались как мистерии, и настроение в каждом случае было иное, неповторимое.

В одном из маленьких городов мы присутствовали при такой процессии: из разных храмов города на площадь выносились статуи Христа, Божией Матери, апостола Иоанна Богослова, святой Вероники, причем эти статуи были на самом деле большими подвижными куклами – с движущимися руками, головами – серьезные куклы, иконографические, не карикатурные.

Все стекались на главную площадь, которая была полна народа, горожане были одеты как римские воины, центурионы, кто-то на лошадях даже, и они выстроились в такую линейку, как некая *Виа Долороза*, улица, по которой идет Христос.

Народа было очень много, все стояли близко друг к другу, где-то вдалеке показалась процессия, в которой прихожане, одетые в специальные костюмы, балахоны с капюшонами (не-

сколько похожими на то, что носил ку-клукс-клан) с прорезями для глаз, но не надетыми на головы. Они держали статую Христа, несущего Крест.

Потом появилась другая процессия, которая шла навстречу, у них была статуя Иоанна Богослова, эта статуя «доходит» до определенного места, Иоанн Богослов «видит» Христа, несущего Крест, разворачивается и убегает. Они (участники процессии) бегом унеслись с этой улицы.

Потом навстречу Христу из боковой улицы вышла еще одна процессия, которая несла статую святой Вероники. Святая Вероника «подошла» ко Христу, наклонилась и отерла лик Спасителя, а потом развернула плат с изображением Нерукотворного Образа ко всем присутствующим, и все громко захлопали.

Страстная на Сицилии.

Появилась еще одна процессия, когда Божья Матерь, Иоанн Богослов быстро-быстро подходили ко Христу, и Божья Матерь обняла своего Сына...

Это всё было очень трогательно, без всякой тени усмешки, серьезно, под аккомпанемент духовых оркестров, которые играли трагическую музыку, подобно операм Верди, такой трагизм итальянский. Очень торжественные, красивые мелодии.

Потом эта процессия ушла к храму на площади, нам сказали: теперь вечером приходите, будет продолжение процессии, собственно, самого Распятия, но, мол, самая интересная процессия будет в другом городе. У них есть такое состязание: в каждом городе своя процессия, со своими особенностями, немножко похоже на соревнования футбольных команд.

Мы пошли в другой город на ночную процессию, которая шла где-то часов пять, с перерывами, отдыхом. Там была процессия с чудотворным крестом, который хранился в соборе го-

рода, древний крест, который сначала воздвигали торжественно с молитвой. К этому кресту были привязаны около двухсот разных полотенец, их держали наиболее почетные жители этого города. Эти полотенца хранятся веками, передаваясь из поколения в поколение.

Процессия с этим крестом шла через все улицы города тоже под аккомпанемент оркестра, причем не профессионалы играли, а жители города – дети восьмилетние с кларнетами, трубами, барабанами, старики с тромбонами – очень торжественно.

Потом из другого собора, который посвящен Божией Матери, вынесли статую скорбящей Богородицы, ее несли женщины, причем я на глаз оценил платформу, на которой стояла статуя, почитаемая как чудотворная в этом городе, – я думаю, она весила несколько сотен килограммов, должно быть, а несли ее восемь женщин обычного телосложения. Молодые люди несли не плащаницу, а изображение Христа во гробе.

По трем разным улицам шли три разных хода, которые сверху вниз – городок был на горе – сходились к центральной площади. Всё это сопровождалось оркестром. Нельзя сказать, что люди молитвенно замирали все 4 часа, нет, они шли, может, между собой разговаривали, когда-то останавливались, читали молитвы, и продолжали свое шествие.

Я это наблюдал, и не видел каких-то особых экстатических вещей: разрывания одежд, посыпания головы пеплом, но то, что это было действительно сопереживание, своеобразное, в той культуре, которая нам незнакома, это было очевидно и очень трогательно.

Страстная на Сицилии.

– Насколько я знаю, у католиков такое чувственное сопереживание страданиям Христа очень распространено, крестный ход в Великую Пятницу они посвящают именно этому – прочувствовать страдания Христа. У нас, в православной традиции, акцент больше на события Страстной седмицы: что происходит с людьми вокруг Креста.

– Я не могу сказать, что наше богослужение не подвигает нас к этому со-чувствованию, прочувствованию всего этого. Некоторые молитвословия произносятся от первого лица, например, после выноса Плащаницы служитя малое повечерие, на котором совершается Плач Пресвятой Богородицы. Этот канон поется от первого лица, священник читает его от лица Божией Матери, а значит, и все слушающие включаются в эту молитву, в состояние переживаний Божией Матери, стоящей у Креста.

– Но обычно в проповедях в эти дни не делается акцент на то, что мы должны прочувствовать, осознать, понять, что

чувствовал Христос – как бывает у католиков, – когда Его бичевали...

– Я не знаю, какие проповеди произносятся у католиков, возможно, в какие-то периоды исторические это и могло быть. То, что мы наблюдаем у римо-католических подвижников стигматы, которые возникали у них как раны, аналогичные ранам Спасителя, это результат именно вот такого чувственного переживания.

Есть двухтомник трудов митрополита Антония Сурожского, где он описывает это как психосоматическое явление глубочайшего внутреннего переживания, когда человек медитирует перед Распятием Спасителя. Но мне кажется, что это вещи сугубо личностные, которые нельзя на других переносить.

Мы знаем, что есть, например, на Филиппинах такие крестные ходы, где люди сами себя ко кресту пригвозждают и занимаются самобичеванием, но в религиозной практике бывает много всяческих искажений. Мы знаем, что и святитель Димитрий Ростовский тоже молился перед Крестом, распластываясь по католической практике на земле в виде креста – это монашеская католическая практика.

Такого буквального, чувственного переживания Страстной недели в православии, конечно же, нет. И к такому чувственному переживанию Церковь никого не призывает, потому что невозможно человеку войти в это, будет только некая имитация, но не сопереживать этому во время Страстной недели мы не можем. Потому что всё богослужение касается всего человека: его ума, сердца, чувств, души, духа, – мы телесно переживаем.

Многие прихожане стоят на службах Страстной недели – Страстных Евангелий, выноса Плащаницы, – и плачут, искренне, глубоко плачут в этот момент. Стоят на коленях и плачут, потому что это не театральная постановка, а реальное сопричастие Господню Кресту, а раз мы реально сопричастуем, то и реально сопереживаем, только мы не делаем это искусственно, не доводим себя до экзальтированных состояний.

Когда звучат эти тексты евангельские, когда поются песнопения чудесные, когда священник совершает каждение, поклоны, когда все объаты единым духом этого богослужения, когда всё так пронзительно – народ не может удержаться от переживаний. Как на Пасху нельзя удержаться от радости, так и тут нельзя удержаться от переживаний.

Вынос плащаницы в Страстную пятницу

– Вы говорите: нельзя удержаться от переживаний. Но бывают состояния, когда человек находится в духовном кризисе, в духовной пустыне, когда слова уже много раз слышаны, он много лет ходит, наизусть это знает, знает, что положено посетить эти службы, отстоять, а сердце уже ничего не трогает. Человек должен пытаться вызвать в себе какие-то чувства, того же сопереживания?..

– Нет, он не должен в себе ничего вызывать. Если человек ощущает какую-то мертвенность, если понимает, что что-то с ним происходит, то он должен понять причины этого омертвления. Он должен понять, что раз к таким событиям он остался бесчувственным, то за этим стоит что-то важное, серьезное, что отдалило его от Христа, от Церкви, от смысла его веры.

Ведь тот же пост не состоит в том, чтобы вычитать, выстоять, есть – не есть, а в том, чтобы приблизиться к Богу, ожить для Бога, поэтому богослужение оживляет человека, а если мы всё делаем ради того, чтобы вычитать да выстоять, то, конечно, мы давно уже мертвы. Если нас не трогает Слово Божье, Дух Святой нас не касается, то это тяжело, это смерть почти.

– А как священник переживает Страсти Христовы?..

– Мы все люди, неважно: священники ли, миряне, женщины или мужчины, рабы или свободны. Люди переживают каждый по-своему, нет разницы: священник или не священник.

– Прихожанин может встать в храме и углубиться в молитву, а священник постоянно занят процессом: взять служеб-

ник, переоблечься, определенные действия, чин – это не отвлекает?

– Эти действия – они ведь осмысленны, даже когда переоблачаюсь, каждое действие – оно символично, наполнено содержанием, смыслом, силой определенной – когда, например, я совершаю каждение, или когда для выноса Плащаницы облачаюсь еще и в подризник, как на служение Литургии. Каждое действие – глубоко, поэтому оно, наоборот, – сосредоточивает, дисциплинирует, выстраивает внутренний мир. Не может это мешать – помогает.

– А как найти баланс между молитвенным сопереживанием и нашими традициями, которые каждая православная женщина пытается соблюсти: и куличи, и пасхи, и яички, и уборка...

– У нас есть много традиций, которые надо бы куда-то задвинуть, забыть. Во времена Пушкина существовала традиция, которую Александр Сергеевич описал в своем знаменитом стихотворении: выстраивать у Плащаницы караулы с

солдатами. Он с ужасом говорит, что вот лежит Христос, а рядом с ним стоят солдаты с начищенными ружьями...

*Когда великое свершалось торжество,
И в муках на Кресте кончалось Божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и Пресвятая Дева,
Стояли две жены,*

*В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь Креста Честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим – поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.*

– В современном нашем обществе это уже легко представить вновь...

– Да, вот такая традиция существовала – слава Богу, что она ушла. Христу не нужна охрана из государственных чиновников, государственной силы и власти, где отношения Церкви и государства вышли в дичайшую, карикатурную связь, когда солдаты императорской гвардии стоят и охраняют гроб, как будто они могут добавить торжественности этому. Не дай Бог, если появится вновь такая традиция – всё может быть в наше время.

Есть прекрасная традиция вот этих домашних, уютных застолий на Пасху, они неотделимы от нашей истории, они хороши. Но они не могут стать главным, а в какой-то момент они стали главным. В какой-то момент они заставили всех людей работать на пасхальный стол: печь куличи с утра до

вечера, раскрашивать яйца, думать, на каком твороге делать пасху – и Страстная неделя идет только в этом.

Хорошо бы найти место главному. Конечно, хорош тот, кто как Марфа, но лучше тот, кто как Мария. Без Марфы тоже, наверно, не будет праздника, она доставит радость всем, украсит наш пасхальный стол вот этими удивительными запахами куличей и пасхи, всего этого великолепия. Но если человеку надо выбрать между куличами и службой, то пусть он выберет службу, а кулич купит в магазине, пусть он будет не такой вкусный, но неважно. По крайней мере, сердце человека будет заполнено главным. У кого-то сердце тянет печь кулич, а у кого-то – стоять 12 Евангелий со свечкой.

– Когда мы стоим на службах в Великий Четверг и Великую Пятницу, разве нам не мешает погрузиться в переживания о страданиях Христовых знание о скором Его Воскресении?

– Не знаю... Может быть, кто-нибудь уже всё знает, а я ничего не знаю. Наверно, не я один, наверно, у всех примерно так... Когда мы погружаемся в службы Страстной недели, мы оказываемся, несмотря на пространство и время, – в том самом Гефсиманском саду, на тех улицах Иерусалима. Не зримо, конечно, но внутренне, духовно мы соприкасаемся с этой личной историей, становимся ее участниками, поэтому в этот момент мы – здесь.

Мы не можем перебежать в будущее, хотя и Христос Своим ученикам заранее говорит о Своем воскресении. Иаков и Иоанн – они же знают, что Христос воскреснет, – пропускают мимо ушей всю эту историю с распятием, говорят: хотим сесть у Тебя по правую и по левую сторону в славе Твоей, – о славе-то уже знают.

Но когда наступает Страстная неделя, только Страстная неделя оказывается главной – и с ужасом, и со страхом, и с предательством. Потому что христианин не может не ощущать себя в этот момент одним из тех, кто окружает Христа. Петром, например, который уходит, заплакав горько. Тут главное, что человек находится рядом с Богом, он находится в этот момент со Христом здесь, и идет туда, потом, уже с женами-мироносицами встречать Воскресшего.

– Но мы же знаем в Пятницу, что пройдет Суббота, и мы будем Его встречать Воскресшего...

– Нет, тут вопрос знания не стоит. Мы много чего знаем. Мы стоим у распятия Христа и знаем, что нам идти завтра на работу. Мы же живем не тем, что знаем, что завтра будет Пасха. И на Пасху будет богослужение. Мы живем, и если мы живем – то живем каждый день – сегодня. Я же живу не завтра и не послезавтра. И Пасха для меня не какое-то со-

бытие календаря – это моя жизнь. И поэтому, когда я в четверг живу – я живу именно в четверг, а потом буду жить в воскресенье. Пока я не живу в воскресенье – Пасхи и нет.

– Вспоминаю «Пасху в Дахау 1945 года»: люди, только что бывшие на грани жизни и смерти, только что освобожденные, захотели отпраздновать Пасху – там 18 священников служили литургию. Или 31 марта мы вспоминали мать Марию (Скобцову), отобранную в смертники в католическую Страстную Пятницу и погибшую в Великую Субботу, – такие люди могли по-настоящему переживать Страстные дни. А способен ли человек сердцем и умом осознать Страстную седмицу, будучи относительно здоровым, может, даже счастливым, благополучным?

– Конечно, способен. Я не думаю, что страдания человека, в каких-то вот таких условиях, могут что-то добавить. Человек останется тем, кто он есть, и в Дахау, и в благополучии: кто-то в Дахау переживает Пасху, как надо переживать, а кто-то не способен, потому что он в отчаянии, ужасе и от этого омертвел. А кто-то и в благополучии способен быть со Христом, потому что у него сейчас такой период жизни, а какой будет завтра – никто не знает. Каждый человек способен, в любое время, на каком-то своем, определенном уровне.

Мы, к сожалению, очень изменчивы: мы входим в Страстную неделю, переживаем ее, нам так хочется быть со Христом, а через какое-то время можем думать уже какую-то глупость. Если человек хоть на какое-то время сможет погрузиться в переживания Страстной седмицы, он этот опыт получает, потом его не забудет всё равно.

Это Божественное воспитание, школа, которая раз за разом, год за годом, пост за постом, Пасху за Пасхой учит нас вышшать себя, через эти божественные прикосновения мало-помалу нас меняет, иначе мы, раз вкусив такую Пасху, могли бы уже и дальше не жить: мы всё поняли, всему научились – пора уже домой, стать небесными.

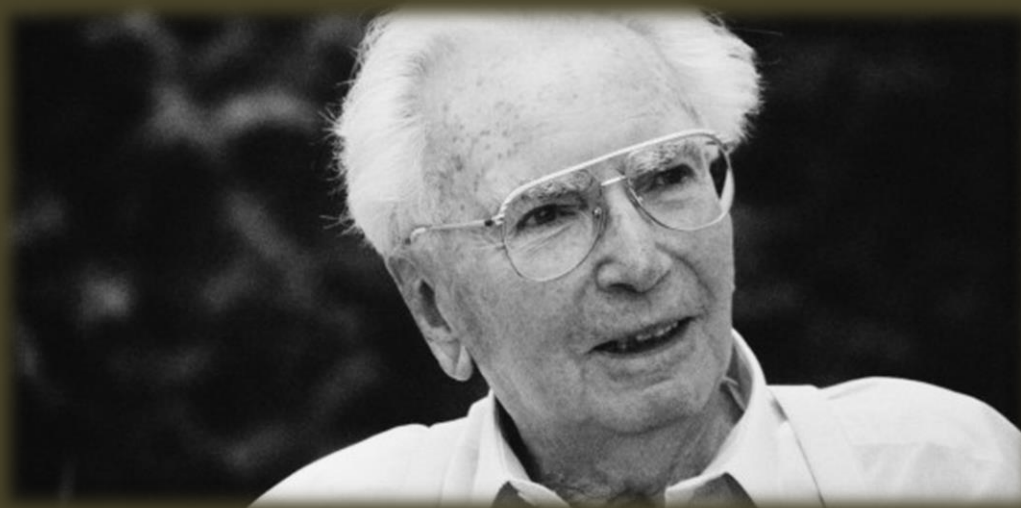
– Могут ли быть страдания осмыслены без Христа? Мы вспоминали концлагеря: Виктор Франкл говорил, что должен быть смысл в страданиях, он его видел, нашел, а он не был христианином.

– Очень многие люди, пострадав в концлагерях, будучи неверующими, нехристианами, выходили оттуда высокодостойными людьми. Например, Примо Леви, итальянский заключенный из концлагерей, который описал потом свою жизнь в

концлагере, ужасы фашизма для того, чтобы через это что-то изменить в этом мире, каким-то образом настроить, исправить этот мир. Его книги до сих пор кричат громким голосом, как и книги Солженицына и других.

Другое дело, что вот это страдание наполнило его этим содержанием. Мне трудно сказать, каким образом Христос касался этого человека в его страданиях, насколько потом человек что-то большее узнал о мире, о вечности, кроме того, что он много узнал о человеческом достоинстве или достоинстве. Я знаю, например, что судьба Примо Леви трагична: в конце концов он покончил жизнь самоубийством – не смог пережить зрелища шествия неонацистов уже в мирное время.

Страдания без Христа существуют, это не значит, что они бессмысленны, что Христос не просвещает человека каким-то другим образом. Эти люди, может, и не становятся христианами, но смысл страданий видят в каких-то других вещах, которые всё равно вложены Христом, потому что человеческое достоинство – это чувство, которое заложено в человека Богом.

Виктор Франкл

– Есть такое общее место, что страдание приближает человека ко Христу, вроде автоматического закона. Это действительно так?

– Нет, это не закон. Есть такой мотив у Достоевского, что страдания сами по себе делаются некой духовной стезей, но мне кажется, что это одно из заблуждений великого писателя. Это нехристианское отношение к страданиям. Страдания сами по себе могут приблизить человека к Богу, а могут отдалить. Они могут человека сделать иным, а могут убить в нём всё человеческое.

– Спор Солженицына с Шаламовым...

– Да, совершенно верно. Всё по-разному, как человек в этих страданиях способен открыть себя Богу, ведь очень непросто увидеть в своих страданиях присутствие Бога. Те, которые оказываются на это способны, для тех страдания оказываются спасением. А для кого-то они не спасительны. Мы же видим, что Христос распят между двумя разбойниками. И один в своих страданиях находит путь ко Христу, а другой Его хулит и проклиняет.

– Но вот те люди, которые страдали в концлагерях, не будучи христианами, и они не пришли ко Христу – их страдания были, получается, напрасны?

– А страдания вообще бессмысленны. Страдания – они как болезнь, как война, как смерть, как всё то, что является таким уродством, последствием человеческого греха. Если мы примем страдания как духовную особенность христианства, которая необходима для человека, соприущна его вере, то мы тогда должны будем сказать, что Богу должно нравиться, что люди страдают...

– Или мы должны причинять страдания ближним для того, чтобы их привести к Богу, спасти...

– Или что Бог специально посылает людям страдания для того, чтобы они спаслись...

– Многие так и считают...

– Да, к сожалению, есть часть людей, у которых в голове вот эта муть. Это ересь, конечно. Я просто поражаюсь, когда читаю, что для некоторых, например, людей, которые считают себя православными христианами, Сталин является знаковой фигурой, которую они очень любят, уважают. Я не понимаю, как это можно себя христианином почитать и преклоняться перед фигурой кровопийцы.

Вот некоторые говорят – если бы Сталин не устроил гонения на Церковь, у нас бы не было новомучеников и исповедников российских, они бы тогда не стали святыми, это вот Промысл Божий через Сталина – вести людей через страдания, чтобы Церковь воссияла святостью и красотой... Если быть последовательными – давайте тогда прославлять Иуду, Каиафу, Пилата, Нерона... Если дойти до конца – давайте тогда Ирода прославим. Ведь не будь Ирода – не было бы Иоанна Крестителя. И это, конечно, страшно.

Бог не посылает страданий. Бог не радуется человеческим страданиям. Бог приходит в этот мир, но страдания остаются. Бог не избавляет мир от страданий – Он избавляет мир от первопричины страданий – от власти греха над человеком, а значит, от власти смерти над человеческим родом. И поэтому Он волей своей принимает страдание, как чуждое Ему, абсолютно чуждое Ему.

Бог на Кресте страдает человеческой природой, Сам Бог, Сама Божественная Сущность остается непричастной, потому что страдания являются искажениями, а Богу невозможно быть искаженным. Бог совершенен, Он абсолютен. Это страдает человеческая природа, которую взял на Себя Бог. Волею взял на Себя, чтобы эти страдания Божественной Своей властью, которая непричастна к страданиям, победить, исцелить.

Эти страдания – последствия человеческой злобы, нашей человеческой ненависти, лжи, развращенности, всего ужасного, что отделяет от Бога, – вот это сразу в мире производит

область для страдания, в которую человек попадает, которая с человеком случается, в которую человека заносит. И тогда случается эта ужасная ситуация, когда человек начинает страдать, это страдание начинает его иссушать, убивать, уничтожать, человек в этом страдании начинает гореть как в аду, но если он откроет в этот момент свое сердце для Бога – Бог придет к нему и будет страдать вместе с ним. Это значит, что Бог, Который распинается на Кресте – показывает, что Он берет на Себя человеческие страдания: если ты хочешь – ты можешь.

Смотрите, с чего мы начали наш разговор, – переживает ли человек во время Страстной недели страдания Христовы. Я хочу в другую сторону повернуть этот вопрос: Христос страдает на Кресте, и потому Он принимает на Себя человеческие страдания, чтобы каждый из нас имел возможность впустить Христа в свою жизнь в минуту страдания, и тогда наша жизнь оказывается наполненной Богом. И тогда наши страдания и страдания Христа осмысляются вместе.

Христос приходит к нам, потому что Он – страдающий Бог. Он – страдающий Спаситель. И тогда человеческие страдания переносимы, тогда все человеческие ужасы переносимы, тогда человеческая смерть исцеляется Христовой жизнью. В этом весь смысл сошествия Христа во ад. Ведь Христос входит во ад не просто две тысячи лет назад, Он входит во ад всегда, постоянно. Когда человек находится в аду в этой жизни – он может открыть место, чтобы туда вошел Христос.

– Христос страдает с каждым человеком или только с теми людьми, кто призывает Его?

– Он страдает с каждым человеком, потому что Христос берет на Себя грехи всего мира. От человека зависит впустить Христа в свой дом, но Христос всё равно страдает с каждым человеком. Для кого-то Он остается на улице страдающим, а кто-то впускает Его в свой дом.

– Вы уже сказали про Сталина, и вот последние опросы, что 45 процентов населения считают жертвы сталинской эпохи оправданными великими целями и результатами. Получается, что страдания новомучеников нас ничему не научили?

– Ну, мы-то – дети, в большинстве своем, не тех, кого уничтожили, а тех, кто уничтожал. Ведь большинство тех, кого уничтожили, – они после себя никого не оставили, а остались те, кто вышли из этого периода... и не заметили, что случилось с другими.

А сейчас уже растет поколение людей, которым вообще всё по барабану, они включили телевизор, послушали, какие мы

победители... Мы всё время выигрываем, а раз мы выигрываем – значит, мы правы.

Мне горько об этом говорить. Мы, действительно, – не дети наших новомучеников. Мы, во многом, дети того поколения, которое с равнодушием проходило мимо закрытых храмов, наши бабушки и дедушки ходили туда на танцы, смеялись над священниками, над карикатурами типа «Шарли» в журналах «Безбожник» и «Крокодил» и так далее... На этом целые поколения были воспитаны. Теперь родились их дети, которые восприняли православие как еще одну из идеологий этого государства.

– Настроение победителей и триумфаторов – сочетается ли с настроением Страстной?

– Мы говорим о Христе, который Триумфатор и Победитель. Просто Его триумф и победа – не похожи на парад, потому как мы видим Христа в венце, но этот венец – терновый. Святые отцы уподобляют Крест, на который Христос возносится, – престолу. Мы видим даже иногда изображения Христа с победной хоругвью – как Победителя смерти. Но эта победа совершается в полной тишине. Никто не заметил, никто не видел и не знал, как Христос воскрес, как победил Он смерть – этого никто не видел.

Поэтому нам надо всё-таки понимать, что победа Христа – это не победа Наполеона, не победа Кутузова. Это другая победа – не с силой и властью, могуществом и многим оружием, а победа кротостью и любовью, прощением врагов.

– О чем вы будете говорить в проповедях на Страстной своим прихожанам?

– Я никогда ничего не говорю прихожанам в Страстную седмицу. Никогда никакого слова я не могу добавить, у меня нет слов. Всё, что я могу сказать, это слова нашего богослужения – слова великой утрени Страстного Пятка, Царских часов, вечернего выноса Плащаницы, непорочных, которые мы поем – вот только эти слова.

– Чего Бог ждет от человека в Страстную седмицу?

– Бог ждет, что человек наконец услышит и поверит словам, которые Христос говорит Своим ученикам во время Тайной вечери – когда Он снимает с Себя Свою одежду и препоясывается полотенцем, и начинает умывать ноги Своим ученикам – и совершает тем самым Свое богослужение.

Вот мы, когда говорим о богослужении, мы думаем, что вот – мы идем в храм, молимся Богу, стоим на службе, исповедуемся, причащаемся – таким образом мы совершаем богослужение, служим Богу. На самом деле, в отличие от всякой другой религии, системы религиозных отношений, христианское богослужение – это ровно наоборот: это когда Бог служит человеку. Мы видим, когда совершается главное и первое богослужение христианской Церкви – Тайная вечеря – Христос это показывает – как Он служит человеку: как Он умывает ноги Своим ученикам, как Он, служа человеку, идет в Гефсиманский сад, как Он, служа человеку, человечеству и каждому из нас, предается Иуде и Пилату.

Как Он говорит апостолу Петру, который хотел защитить Христа от поругания, – мне кажется, это тоже актуально в наши дни, – вспомнить, как апостол Петр хотел защитить Христа от поругания: он совершенно естественно, как настоящий ученик и последователь своего учителя, схватил меч и отсек ухо рабу – мог бы и голову отрубить, если бы был

более точен – тому самому Малху, который плевал в Христа и бил Его по лицу, всячески над Ним измывался. И Христос сказал: «Вложи меч свой в ножны. Неужели ты думаешь, что Я не могу сейчас умолить Отца Своего Небесного, и Он не пошлет Мне 12 легионов ангелов?»

Вот так Христос Себя защитил и показал путь апостолу, первоверховному апостолу, а значит, в лице его – всей Церкви. Каким образом христиане могут относиться или должны относиться к тому, что они считают поруганием Христа. Мечом отвечать или как-то иначе. Это тоже служение Его нам.

И дальше идет служение вплоть до сошествия Его во ад. Здесь еще очень важная наука, которую Господь нам преподает как Учитель – о том, что Бог не перестает любить человека в аду. Это надо как-то понять, почувствовать – что Бог не перестает любить человека в аду. Более того, Он всякий

раз сходит в самые глубины ада, чтобы найти самого туда глубоко-глубоко упавшего человека – отнюдь не праведника, – самого-самого отъявленного грешника.

А далее Он говорит нам: «Если вы называетесь Моими учениками – то и вы поступайте так же». Вот этого от нас ждет Христос. И того, что мы никогда не делаем – никогда не служим, никогда не хотим стать последними, никогда не хотим стать другому рабами, никогда не хотим молиться за наших врагов, никогда не хотим простить, никогда не хотим смириться, и во ад за другим идти тоже не хотим. Вот всего этого ждет от нас Христос.

